УДК 93/94

А. Е. Жуков

Тихвинский Успенский и Введенский монастыри в XVII в. История взаимоотношений

История Тихвинского Успенского монастыря развивалась в тесном взаимодействии с Тихвинским Введенским девичьим монастырем. Ситуация, в которой формировались контакты двух рассматриваемых центров, уникальна, поскольку они располагались на территории одного посада. Более того, земельные наделы Успенского и Введенского монастырей граничили друг с другом. Однако в историографии взаимодействиям двух указанных обителей не было уделено достаточного внимания. Историки ограничивались констатацией положения об их «духовном единстве»[1]. Лишь в исследовании И. П. Мордвинова «Введенский монастырь: материалы к историческому очерку» эта проблема рассмотрена на широком документальном материале [2]. Данный труд представляет для нашей работы первостепенную важность еще и потому, что многие документы, привлеченные автором, не обнаружены либо не сохранились. Однако, рассматривая контакты Введенского и Успенского монастырей, И. П. Мордвинов сосредоточился на земельных спорах, не углубляясь в проблематику взаимоотношений двух обителей в других сферах. Таким образом, всесторонняя характеристика взаимодействия двух рассматриваемых центров в научной литературе отсутствует. К решению данной проблемы мы и обратимся в настоящей статье.

Земельные споры были, пожалуй, основным фактором, определявшим взаимоотношения Успенского и Введенского монастырей. Не случайно именно

им И. П. Мордвинов уделил наибольшее внимание. Тихвинский Успенский монастырь, созданный к третьей четверти XVI в., к началу следующего столетия уже обладал солидным земельным наделом. В то же время положение Введенского монастыря оставалось крайне тяжелым. К 1604 г. община состояла из 45 стариц, которым нечем было прокормиться[3]. Положительные изменения наметились после того, как в монастырь прибыла старица Дарья, в миру Анна Колтовская, четвертая жена Ивана IV. Ее брак с царем не продолжался и полугода. В сентябре 1572 г. она была пострижена в монахини. Однако, по представлениям того времени, Дарья оставалась членом царской семьи и поэтому пользовалась особым расположением московских государей. Борис Годунов в 1604 г. отвел Введенскому монастырю деревни Заболотье, Нижний Иссад, Стретилово, Ожино и Фишеву Гору[4]. Впоследствии самой Дарье было дано сельцо Никифоровское в Устюжне Железопольской с деревнями «для блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии»[5], которое старица завещала монастырю[6]. Также 3 января 1626 г. по челобитной инокини Дарьи к вотчине Введенского монастыря были присоединены на постоянной основе пустоши Бурково, Селище и Заполье Заборовское, некогда принадлежавшие Рагодовицкому монастырю, которые воевода Иван Никитич Большой-Одоевский отдал обители во временное пользование[7]. Как уже было упомянуто, земельные споры Успенского и Введенского монастырей были подробно описаны И. П. Мордвиновым. Кроме того, обилие материала, имеющегося по данной теме, не позволяет охарактеризовать их детально в рамках статьи, призванной осветить отношения обеих обителей в общих чертах. Поэтому приводимое ниже описание земельных конфликтов будет выполнено в самом общем виде.

Вотчинные споры начались в 1646/47 г., когда игуменья Введенского монастыря Еврания била челом царю Алексею Михайловичу на келаря Успенского монастыря Сильвестра (Посадникова) в том, что он вступил в земли Введенской вотчины[8]. О каких именно землях идет речь, не уточняется. Однако можно предположить, что имеются в виду спорные территории по Введенскому ручью и пожня в Ланях. Эти два конфликта тесно связаны между собой и сначала рассматривались в совокупности. Однако окончательные решения по данным спорам были приняты независимо. Поэтому в настоящей статье представляется целесообразным рассмотреть каждый из них отдельно. Обстоятельства тяжбы относительно участка в Ланях наиболее полно описаны в указной грамоте 15 марта 1684 г. царей Ивана и Петра Алексеевичей новгородскому воеводе боярину князю Федору Семеновичу Урусову и дьякам Василию Мануйлову и Семену Дядкину об отдаче игуменье Введенского Тихвинского монастыря Прасковьи с сестрами пожни Лани, оспариваемой архимандритом Тихвинского Успенского монастыря Ефремом. Перескажем в общих чертах ее содержание. Пожня Лани относилась к земельному участку близ пустоши Замошье и пустошей в Юрьевичах, которые в 7128 г. были записаны за Кузьмой

Садиловым. Последний в 1638/39 г. заложил их Тихвинскому Введенскому монастырю. Однако в его закладной наименования урочищ и земельных покосов не были прописаны. В договорной записи 1637/38 г. Юрьевские деревни делили игумен Аркажского монастыря Нафанаил и Нечай Харламов. Пожня Лани была записана за Юрьевскими деревнями, которыми владели власти Введенского монастыря[9]. В то же время отсутствие в закладной наименования земельных наделов стало той причиной, по которой в дальнейшем разыгрались земельные споры. Из Новгорода для отмежевания рассматриваемых земель был послан приказной человек Богдан Мордвинов. В своем розыске он опирался на крепости Аркажского монастыря, а также на свидетельства старожилов. Последние говорили, что ««Богдан де Мордвинов против крепостеи, каковы прислала к нему игуменья, приехав к озеру Рыбежну, досматривал. И ис того де озера вышла река Рыбежна. И на усть тое реки пожни словут Лани по левои стороне вниз». И те понятые старецъ и прикащик и крестьяня сказали: «То де озеро Рыбежно, а из него вышла речка Рыбежка, а на усть тои речки пожни по левую сторону вниз словут Лани, а хто ими владеет, того они не ведают»»[10]. 7 декабря 1648 г. в Новгород пришла челобитная игумена Успенского монастыря Симеона и келаря Сильвестра, которые обвиняли Мордвинова в сговоре с Введенским монастырем, а понятых — в том, что они не были старожилами. Тихвинские старцы утверждали, что тот земельный участок, который сестры Введенского монастыря называют пожней Лани, на самом деле является их пожней Равдино, принадлежавшей Тихвинскому монастырю. Оспаривали они также участок по Введенскому ручью. Вскоре состоялась очная ставка перед В. И. Стрешневым в приказе Большого дворца. Решение было принято в пользу Введенского монастыря. Успенские старцы не должны были вступаться в земли по Введенскому ручью и в пожню Лани. Послухами были подьячие Ивановской площади, а заверил грамоту стряпчий Федор Андреев[11]. Тихвинские власти данное решение не признали. Они утверждали, что Федор Андреев был в сговоре с Введенским монастырем. Поэтому спор о земле не прекратился. И. П. Мордвинов упоминает документ «Сказки Стретиловских стариков» 1658 г., где старожилы, жившие на спорных землях еще до прибытия инокини Дарьи, утверждали, что рассматриваемые участки находятся за Успенским монастырем[12]. В 1675/76 г. архимандрит Ефрем решил продолжить процесс пересмотра земельных участков. В 1679 г. новгородский подьячий Иван Зеленин провел досмотр по данному делу и собрал сведения о спорных территориях. В том же году Юрий Михалович Одоевский и дьяк Тимофей Кузьмин приняли приговор, согласно которому пожня Равдино должна была перейти во владение Тихвинского Успенского монастыря. В то же время был назначен досмотр, целью которого было определить, где находится пожня Равдино, а где пожня Лани. Лишь 15 марта 1684 г. при царях Иване и Петре Алексеевиче было принято окончательное решение, согласно которому земли в Ланях остались за Введенским монастырем[13].

Долгую историю, ознаменованную интригами, а иногда и кровопролитием, имели споры о землях по Введенскому ручью. Они начались в 40–50-х гг. XVI в. и впоследствии не утихали. Именно по поводу земель по Введенскому ручью Иона Баранов писал: «Оне, старицы, оглашают нас напрасно; мы их землею не истесняем и иным ничем не изобижаем, а обидят и землею и стесняют нас и крестьян наших оне, старицы, — насильством на нашей монастырской земле дворы ставят и пашню пашут... Да искони была от нас с Тихвины большая дорога в города и в волости через Введенский ручей на мост по их Введенскому монастырю из ворот в ворота, ездили и ходили всяких чинов люди, и мы в свои монастырские вотчины тою ж дорогою ездили; и для своего зазору намостили мы через тот ручей ныне мост вновь по прямой дороге, посторонь того Введенского монастыря по своей монастырской земле, — и оне, старицы, не хотят нам по тому мосту дать проезду, велели своему пристальцу на самой той дороге, а на нашей земле поставить двор, — и дорогу у нас отняли; и то их стеснение нам невмоготу, — хотим бить челом в том на них великому государю о розводе земли против писцовых книг»[14]. Наиболее острый конфликт разыгрался в июне 1684 г. Тогда игуменья Параскевья била челом царям Ивану и Петру на архимандрита Тихвинского Успенского монастыря Макария. В челобитной сообщалось: «В нынешнем, государи, во 192-м году июня 1 день собрался архимандрит Макареи старцами со многими, слуги и с крестьяны з бердыши и с топорками, и с пистольми, и с саблями, и с кистени. И приехав на старинныя наши пожнишка по Веденскому ручью, старцы и слуги крестьянишков нашихъ деревни Заболотья били и увечили плетьми и кистенями»[15]. Согласно документу, тихвинцы грозились учинить расправу над старицей Маремьяной. Игуменья Прасковья просила направить губного Ивана Забелина, чтобы тот учинил сыск по данному делу. Однако в челобитной 1686/87 г. старицы жаловались на ошибки в измерениях Ивана Забелина: «Мерил же тое их монастырскую слободку в другои ряд и в поперечник написал, и у лесу грань поставил и в лес им никакова выходу не учинил. И по Введенскому ручью, что словет Березовик, пожня была их монастырская. И теми сенными покосы изстори владели они игуменья с сестрами»[16]. Вероятно, в течении долгого времени спор шел о пашнях, находившихся на пересечении Пашской дороги и Введенского ручья. Окончательное решение по данному делу было принято 8 июня 1687 г. Земли по левую сторону Пашской дороги оставались за Введенским монастырем, а по правую — за Успенским[17].

Предметом спора также стали деревни Нижний Иссад, Фишева гора и Стретилово. Они были пожалованы еще инокине Дарье. Однако успенцы захватили указанные земли еще в годы владычества игумена Иосифа (1653–1656 гг.)[18]. Как развивался спор в течение последующих 20 лет, неизвестно. Однако в годы Федора Алексеевича окончательного решения принято не было[19]. И. П. Мордвинов пишет, что после розыска о земельных наделах, предпринятого Иваном Зелениным и упомянутого выше, было принято решение оставить рассматриваемые деревни за Успенским монастырем, а жалобы Введенского

монастыря во внимание не принимать. Данное решение было принято на основании довольно формального повода (запись деревень в писцовых книгах 1620 г. за Успенским монастырем против грамоты Бориса Годунова)[20]. Впоследствии дело было пересмотрено в Приказе Большого дворца боярином Н. И. Одоевским, который, опираясь на жалованные грамоты Бориса Годунова и жалованные грамоты инокине Дарье восстановил рассматриваемые земли за Введенским монастырем. Скрепил грамоту думный дьяк Данило Полянский[21]. Однако впоследствии, согласно Введенской челобитной, «по поноровке дворцового подьячего Аврама Тимофеев[а] неведомо по какому указу та помета думного дьяка в приказе большаго дворца от выписки отодрана»[22]. И. П. Мордвинов солидаризируется с данной точкой зрения и пишет, что успенские старцы подкупили подьячего[23]. Однако, строго говоря, вина Авраама Тимофеева не доказана. Версия, изложенная в челобитной, принадлежит введенским властям и является тенденциозной. Впоследствии по челобитью тихвинских старцев дело было перенесено в поместный, а потом — в посольский приказ. 20 марта 1683 г. царями Петром, Иваном и царевной Софьей было подтверждено решение о принадлежности рассматриваемых деревень Введенскому монастырю. Однако данное решение было оспорено успенскими властями, с которыми сотрудничал дьяк Е. И. Украинцев. Находиться долгое время в Москве введенские старицы не могли: это было затруднительно в финансовом отношении. Поэтому 23 июля 1683 г. они били челом государям в том, чтобы волокита, которую чинили им тихвинские власти, была прекращена. Окончательное решение было принято в пользу Введенского монастыря[24]. И. П. Мордвинов пишет, что в приговоре значилась формулировка: «Обжиною Фишевою Горою владети Успенскому м[онасты]рю, а другою деревнею Стериловым Нижним Изсадом владети Введенскому девичью м[онасты]рю»[25]. Взамен Стретилова Тихвинский Успенский монастырь получал равное количество порозжих земель.

Таким образом, отношения двух обителей были сложны и не сводились к духовному сотрудничеству и добрососедству. В земельных спорах Тихвинский Успенский монастырь обладал целым рядом преимуществ. В частности, его власти могли позволить себе продолжительные тяжбы в Москве, сопровождавшиеся, возможно, подкупом столичных чиновников. Введенский монастырь также в долгу не оставался, о чем свидетельствует их желание получить земельные участки по другую сторону Введенского ручья, принадлежавшие Успенскому монастырю, противоречащее государеву указу. Соседство с Успенским монастырем было не только непростым, но в некоторых случаях опасным. Выше мы уже упоминали о нападении архимандрита Макария на пашни по Введенскому ручью[26]. Однако подобные эпизоды не всегда провоцировались земельными спорами. Так, в челобитной игуменьи Параскевы и княжны старицы Александры Гагариной, поданной архимандриту Варсонофию в марте 1679 г., сообщается о том, что старец крылошанин Макарий напал на старицу Ираиду, обесчестил ее и нанес несколько ножевых ранений[27].

Однако отношения Успенского и Введенского монастыря не ограничивались земельными спорами и актами насилия. В частности, именно в Успенский монастырь обращались представители других общин, когда надо было решить какие-либо вопросы, связанные с Введенским монастырем. Так, не позже 14 февраля 1658 г. архимандриту Никону была подана грамота новгородского митрополита Макария, в которой говорилось, что введенская игуменья Платонида задолжала 19 руб. 19 алт. 5 денег Александро-Свирскому игумену Савватию. Успенский архимандрит должен был обеспечить явку в Новгород стряпчего Введенского монастыря Матвея Крылова[28]. Кроме того, в архиве А. Ф. Малова в РНБ хранится довольно любопытное письмо старицы Вознесенского монастыря[29] Досифеи архимандриту Ионе (Баранову), келарю Дионисию и казначею Герасиму, где та пишет: «Прошу, государи, вашего благословения, по указу великого государя сосллана от меня келеиница моя Домникея старица в Введенскои девичеи монастырь под начало. И буде, государи, о чем она станет бить челом, пожалуите, государи, судите ее чем вам Бог известит, чтобы еи з голоду не умереть. А я вам, государем, буду платешница и буду вам бить челом головою своею и даплачю вашу милость со вторицею»[30]. Датировать данную грамоту можно хронологическим промежутком между 1668–1674 гг., когда Иона (Баранов) был архимандритом Тихвинского Успенского монастыря[31].

Одним из определяющих факторов в отношениях Успенского и Введенского монастырей была практика богослужения. Так, 9 марта 1666 г. в Тихвинский Успенский монастырь пришла грамота митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Питирима о расследовании случаев отправления богослужений по старому обряду с позволения Введенской игуменьи Платониды[32]. В ней сообщалось, что «поповский староста» Артемон ездил в село Никифорово 31 октября 1665 г. и присутствовал там на службах в церкви Николы Чудотворца, где рядом со священником Амбросием служил новопоставленный поп Гавриил. В грамоте говорится: «Поп Гаврило в церкве Николы Чюдотворца служил вечерню и заутреню не единогласно, а божественную литоргию служил по старому служебнику надо многими просвирами»[33]. На вопрос старосты о причинах нарушения богослужебного обряда Гавриил отвечал, что точно такой же порядок службы имеет место во Введенском монастыре. 31 декабря сослужебник Гавриила священник Амбросий подал челобитную, где обличал нарушения своего коллеги, сообщая при этом, что служебник новой печати в церкви Николая Чудотворца в селе Никифоровском есть[34]. Дальнейшая судьба Гавриила была печальной. По митрополичьему указу священник был «за поруками прислан к Москве к нам и за церковнои раскол по нашему указу посажен <...> в Софеиском и нашем Московском дворе в смирении в хлебне в цепь»[35]. После этого Амбросий подал еще одну челобитную, в которой сообщал, что Гавриил был прежде дьяконом, получил священнический сан обманом и попытался изгнать Амбросия, который получил выморочное место попа Матфея незадолго до этого. Тогда прихожане Амбросия били челом игуменье Платониде и старицам

Леониде и Александре (Гагариным), защищая священника. Введенские власти приняли решение о совместной службе Амвросия и Гавриила[36]. Гавриил, однако, не оставлял надежд отстранить своего конкурента от службы, поскольку во Введенском монастыре две его сестры были старицами. Пользуясь связями, он сумел осуществить интригу, в результате которой Амвросий был отстранен от службы в церкви Николы Чудотворца[37]. Священник сообщал также, что служит по новому служебнику, в то время как Гавриил — по старому и многогласно. Вскоре в село пришло письмо от игуменьи Платониды, в котором было велено: «Попа Амвросия из старинного поповского двора и из села Никифорова выбить»[38], что и было послушно исполнено старицей Евдоксией и старостой Федором Васильевым. Амвросий просил восстановить его право на богослужение. Успенский архимандрит должен был провести сыск по данному делу. Кроме того, ему надлежало проконтролировать восстановление Амвросия в праве на богослужение, а игуменью Платониду и старицу Леониду посадить на месяц на цепь «чтоб им впредь не повадно без нашего (митрополичьего. — *А. Ж.*) указу от церкве Божии попов отказывать»[39]. В связи с данным делом 27 марта 1666 г. архимандрит Корнилий поручил старцу Леониду (Корсакову) провести сыск и установить, служит ли священник Гавриил по старым служебникам[40].

Документы, которые бы позволили определить, чем завершилось данное дело, пока не обнаружены. Однако можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в богослужении во Введенском монастыре действительно имели место нарушения. В сентябре 1671 г. митрополит Питирим приказал уже архимандриту Ионе (Баранову) определить в Тихвинский Введенский монастырь «черного попа» для окормления уличенных в расколе игуменьи Измарагды с сестрами[41]. Сообщалось также, что игуменья Измарагда, старицы Александра (Гагарина?), Феодосия и др. были взяты по отписке архимандрита Ионы в Новгород, «за их вины смиряны и из смирения свобождены»[42]. Успенские старцы били челом о том, что подходящего человека в монастыре на данный момент нет. Тогда митрополит Питирим приказал направить во Введенский монастырь черного попа Варлаама, который до этого по митрополичьем указу был «взят в Антоньивскои Дымскои монастырь в строители»[43]. Кроме того, в указной грамоте митрополита Ионы отмечалось, что «в окольных де монастырях такова черного попа не изобрать же и нет»[44].

Еще один эпизод, связанный с наставлением раскольников, имел место в 1684 г. Митрополит Корнилий писал келарю Феодосию, что во Введенский монастырь были присланы две раскольницы, Вера и Ирина. Вскоре Ирина сбежала. Она была найдена в лесу через 10 дней в плохом состоянии. В Тихвине священник Лаврентий исповедал Ирину, но не успел причастить, потому что она умерла. Властям Тихвинского Успенского монастыря надлежало в данной ситуации допросить Лаврентия, желала ли Ирина причаститься и, если желала, отпеть и похоронить. Веру же надлежало наставлять, а потом прислать в Новгород допросные речи и причастить, если она будет этого достойна[45].

Наконец, Тихвинский Успенский монастырь помогал Введенскому монастырю решать некоторые хозяйственные вопросы. В частности, по указу Михаила Федоровича от 17 сентября 1639 г. игумену Герасиму было велено осмотреть и при необходимости починить церковные кровли во Введенском монастыре. Однако в том же году игумен в Тихвинском Успенском монастыре сменился. Игуменья Введенского монастыря Еврания вынуждена была вновь бить челом Михаилу Федоровичу о том, чтобы государь перепоручил ремонт новому настоятелю. Отвечая на ее запрос, царь указал осуществить починку кровель игумену Сергию. В грамоте также говорилось о возмещении расходов Успенскому монастырю: «А как кровельное дело со всем [договором] будет, и во што станетъ, и вы б о том отписали и росходные книги ты, игумен, за своею рукою прислал к нам к Москве и велел подати в приказе Большого дворца боярину нашему князю Алексею Михаиловичю Львову, да диаком нашим Григорью Нечаиву, да Максиму Чиркову. И по тои вашеи отписке денги дадутъ ис приказу Большого дворца»[46]. При этом оговаривалось, что церковь необходимо покрыть «наименьшим расходом, чтоб нашеи казне было прибыльнее, и плотников нанять дешевым договором»[47]. Завершив работу к 1644 г., тихвинские старцы отправили в Новгород воеводе Глебу Ивановичу Морозову челобитную, запросив 400 руб. Им была выделена лишь половина этой суммы. Тогда игумен Сергий направил воеводе повторную челобитную, в которой писал: «И вам бы, государь, прислати к нам денег триста рублев, чтобы за тем государево дело не стало»[48]. Как можно заметить, в копии экземпляра грамоты, хранящейся в архиве Тихвинского монастыря, к 200 руб., которые уже были присланы в Успенский монастырь, просили не 200, а 300 руб. Вероятно, это ошибка. Неизвестно, какая сумма была обозначена в оригинале челобитной, которую получили Г. И. Морозов и дьяк Н. В. Демидов. Однако в своей отписке от 26 декабря 1644 г. новгородские власти говорили о передаче 200 р. сверх уже полученных денег. Таким образом, вероятно, Г. И. Морозов и Н. В. Демидов получили грамоту, где была обозначена правильная сумма. Новгородские власти писали, что в казне на данный момент денег нет, но как только они появятся, оставшиеся 200 р. будут высланы в Тихвин[49].

Взаимоотношения Тихвинского Введенского и Успенского монастырей развивались по-разному в различных сферах. Интересы рассматриваемых центров соприкасались в области землевладения. Их участки примыкали друг к другу. Конфликты между Успенским и Введенским монастырем, как правило, возникали из-за путаницы в документах. Например, противоречили сведения писцовых книг и государевых грамот или в актах отсутствовали наименования земельных наделов. Так или иначе, на данной почве между обеими обителями возникали серьезные споры. Примечательно, что методы, которыми они велись, не всегда укладывались в рамки законов. Противоборствующие стороны не брезговали ложными челобитьями, подкупами чиновников, а иногда и физическим насилием. Не совсем корректно было бы утверждать, что

в этих конфликтах Введенский монастырь оказывался исключительно жертвой. Он занимал довольно активную и воинственную позицию по отношению к своим успенским «конкурентам», о чем свидетельствует, в частности, попытка использовать земли по Введенскому ручью, которые им в действительности не принадлежали. Однако Большой Тихвинский монастырь обладал бóльшими возможностями. Поэтому запрещенные приемы (например, долговременное пребывание в Москве, сопровождающееся подкупом чиновников и организацией волокиты, призванное затянуть дело, лишив сестер Введенского монастыря средств для продолжения борьбы) давалось успенским старцам намного легче. В области землевладения оказывались допустимыми различные средства, поскольку от земельного участка зависела не только благосостояние, но и выживание обеих обителей. Однако земельные конфликты не были единственной областью, в рамках которой развивались контакты рассматриваемых монастырей. На Тихвинский Успенский монастырь ложился контроль над порядком во Введенском монастыре, как в хозяйственной сфере, так и в сфере богослужения. Успенские старцы должны были следить за тем, чтобы служба в обители велась по новым книгам. Именно к ним новгородские митрополиты обращались с указом навести порядок в данной области. Основная сложность состояла в том, что в самом Успенском монастыре количество высококвалифицированных священнослужителей в 70-х гг. XVII в. было очень невелико. Однако, будучи крупнейшей обителью на данной территории, он должен был осуществлять окормление близлежащих монастырей. Таким образом, надо разделять взаимоотношения между Успенским и Введенским монастырями как между землевладельцами и двумя богослужебными центрами. В первом случае их контакты были сложны и противоречивы. При этом юридически оба центра были равны. При решении вопросов богослужения введенских стариц приходилось весьма сурово наказывать. В этой области никакого равенства быть не могло. Тихвинский Успенский монастырь занимал несомненно более высокое иерархическое положение и имел по отношению к Введенскому монастырю обязанности определенного характера, которые неизменно выполнял.

---

1 Описание Введенского девичьего второклассного монастыря в г. Тихвине, Новгородской губернии. Тихвин, 1914. С. 31–32.

2 СПбИИ РАН. Ф. 89. Оп. 1. № 19. *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Материалы к историческому очерку (далее — *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь). Л. 88–107.

3 СПбИИ РАН. Ф. 172. № 37. 1604 г., июля 22. Грамота царя Бориса Федоровича в Тихвин воеводе Роману Андреевичу Тушину об отводе Тихвинскому Введенскому монастырю, согласно просьбе царицы старицы Дарьи Алексеевны, пашни и сенных покосов в деревнях Стретилове, Фишевой горе и Заболотье. Л. 1.

4 Там же. Л. 3.

5 СПбИИ РАН. Ф. 172. № 45. 1610 г., мая 14. Жалованная грамота ц. Михаила Федоровича старице Дарье Алексеевне на пожизненное владение сельцом Никифоровским с деревнями в Железопольском уезде. Л. 11–13.

6 СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 1. № 90. 1626 г., марта 31. Духовная грамота старицы Тихвинского Введенского монастыря Дарьи. Л. 1.

[7] СПбИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. № 223. 1626 г., января 3. Жалованная подтвердительная грамота царя Михаила Федоровича старице царице Дарье Алексеевне на вотчинную землю в Новгородском уезде (в Тихвинском погосте), бывшую за Рагодовицким монастырем и данную Введенскому Тихвинскому монастырю в смутное время воеводою Новгородским князем Иваном Никитичем Одоевским. Л. 1; *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Л. 7.

[8] СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 2. № 223. 1647/48 г. Челобитная игуменьи тихвинского Введенского монастыря Еврании с сестрами царю Алексею Михайловичу на келаря тихвинского Успенского монастыря Сильвестра Посадникова по иску о захвате земель и разорении покосов Введенского монастыря.

[9] СПбИИ РАН. Ф. 172. № 430. 1684 г., марта 15. Царская грамота воеводе князю Федору Семеновичу Урусову и дьякам Василию Мануилову и Семену Дядкину об отдаче игуменье Введенского Тихвинского монастыря Прасковье с сестрами пожни Лань, оспариваемой у них архимандритом Тихвинского Успенского монастыря Ефремом с братией. Л. 2–3.

[10] Там же. Л. 4–5.

[11] Там же. Л. 7.

[12] *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Л. 97.

[13] СПбИИ РАН. Ф. 172. № 430. Л. 11.

[14] *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Л. 99–100.

[15] СПБИИ РАН. Колл. 12. № 741. 1684 г., июня. Челобитная игуменьи Тихвинского Введенского монастыря Прасковьи с сестрами о расследовании нападения Тихвинского архимандрита Тихвинского Успенского монастыря Макария с людьми на крестьян деревни Заболотье и об их угрозах расправы над старицей Маремьяной.

[16] СПбИИ РАН. Ф. 172. № 532. 1687 г., июня 8. Указная грамота с прочетом царей Ивана и Петра Алексеевичей и великой княжны Софии боярину Петру Шереметеву и дьяку Гаврилу Федорову о сохранении земель по правую сторону Пашской дороги за Успенским монастырем. Л. 3.

[17] Там же. Л. 4.

[18] ОПИ НГМ. Ф. 12. Оп. 1. № 192. Челобитная игуменьи Тихвинского Введенского м-ря о возвращении деревень, захваченных игуменом Успенского монастыря. Фрагмент. Л. 1.

[19] СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Картон 261. № 21. 1683 г., июля 23. Челобитная игуменьи Тихвинского девичьего монастыря Прасковьи с сестрами о возврате им деревень, завещанных в старицей Дарьей и отнятых «по ложному челобитию Успенских властей». Л. 1.

[20] *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Л. 107.

[21] СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Картон 261. № 21. Л. 1.

[22] Там же.

[23] *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Л. 109.

[24] СПБИИ РАН. Ф. 172. № 532. Л. 1.

[25] *Мордвинов И. П.* Введенский монастырь. Л. 113.

[26] См. примеч. 13.

[27] СПбИИ РАН. Колл. 12. № 738. 1679 г., марта. Челобитная игуменьи Тихвинского Введенского монастыря Прасковьи с сестрами архимандриту Варсонофию на старца крылошанина Макария по обвинению его в нападении на старицу Введенского монастыря Ираиду с последующим изнасилованием и причинением тяжкого физического вреда. Л. 1.

[28] СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 5. № 73. Не позже 14 февраля 1658 г. Указная грамота митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Макария архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Никону о сыске стряпчего Тихвинского Введенского монастыря Матвея Крылова для отправки его в Великий Новгород по делу о деньгах, не уплаченных игуменьей Тихвинского Введенского монастыря Платонидой игумену Александро-Свирского монастыря Савватию. Л. 3.

[29] Вероятно, имеется в виду Вознесенский монастырь в Великих Луках, основанный около 1670 г. (о нем см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 397–398).

[30] РНБ. Ф. 463 (собр. А. Ф. Малова). № 156. [1668–1674 гг.] Письмо монахини Вознесенского монастыря Досифеи Черкасской архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Ионе, келарю Дионисию и казначею Герасиму с ходатайством о поддержке сосланной в Тихвинский Введенский монастырь келейницы монахини Домникии.

[31] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 63.

[32] СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. № 41. Наказная память митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Питирима архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию о расследовании случая отправления службы по старому обряду в с. Никифорово с позволения игуменьи Тихвинского Введенского монастыря Платониды.

[33] Там же. Л. 1.

[34] Там же. Л. 1–2.

[35] Там же. Л. 2.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] Там же. Л. 3.

[39] СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. № 41.

[40] Там же. № 43. 1666 г., марта 27. Наказная память архимандрита Тихвинского Успенского м-ря Корнилия конюшему старцу Леониду Корсакову о проведении сыска по указу митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Питирима о том, служит ли священник ц. Николая Чудотворца с. Никифорова Гавриил литургию по старому обряду и был ли священник Амбросий изгнан по указу властей Введенского монастыря. Подлинник. 1 ст. 41[41] СПбИИ РАН. Ф. 12 (собр. П. М. Строева). Оп. 2. № 644. Подлинник. 1671 г., сентября. Наказная грамота митр. Великого Новгорода и Великих Лук Питирима архим. Ионе (Баранову) об определении в тихвинский Введенский монастырь надежного священника для духовного окормления уличенных в расколе игуменьи Введенского монастыря Измарагды с сестрами.

[42] Там же. Л. 1.

[43] СПбИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. № 647. Л. 2. 1671 г., ноября 13. Грамота митр. Новгородского и Великолукского Питирима келарю Тихвинского Успенского монастыря старцу Дионисию о посылке в Тихвинский Введенский монастырь строителя Антониева Дымского монастыря, черного попа Варлаама для совершения церковной службы по новым книгам и духовного наставления инокинь, уличенных в расколе. По данным П. М., Строева Варлаам был строителем Антониева Дымского монастыря в 1671 г. (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. С. 92). Относительно определения должности строителя в историографии высказывались различные мнения. Впервые к данной проблеме обратился Н. П. Успенский. На материалах Кирилло-Белозерского монастыря он пришел к выводу, что это был первый из соборных старцев, в обязанности которого входило общее руководство монастырским хозяйством, по частям, отписываемым другим соборным старцам: келарю, казначею и житнику (*Успенский Н. П.* О «больших строителях» Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896). Н. К. Никольский солидаризировался с мнением Успенского, отмечая, однако, что власть строителя распространялась преимущественно на «мирских людей» (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006. С. 54–57). По мнению И. Н. Шаминой, «строители были настоятелями, как правило, в небольших монастырях и пустынях, и их положение по рангу было ниже, чем игуменское» (*Шамина И. Н.* Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 19). На материале Кирилло-Новоезерского монастыря Т. Н. Сазонова пришла к выводу о том, что игумен и строитель выполняли одни и те же хозяйственные функции. При этом игумен выполнял еще и священнические функции. Исследовательница также отмечает, что в 1623 г. игумена Кирилло-Новоезерского монастыря назначил митрополит, а строителя в 1657 г. утвердил государь. В целом же иссле-

довательница считает, что, основываясь на сохранившихся документах, крайне затруднительно прийти к однозначным выводам, поскольку деятельность игумена и строителя отражена в них фрагментарно (*Сазонова Т. Н.* Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011. С. 98–99). Основываясь на материалах дела СПбИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. № 647, можно сформулировать некоторые суждения о том, какие функции выполнял Варлаам. Прежде всего, он имел священнический сан («черной поп»). Назначен на эту должность он был митрополитом Питиримом. Варлаам принадлежал к братии Тихвинского Успенского монастыря, однако по каким-то причинам был отправлен в Антониев Дымский монастырь в качестве строителя. Об игуменах данной обители до XVI в. сведений почти нет. В 1582 г. игуменом был Варлаам, в 1632 г. — Авраамий. На протяжении XVII в. вплоть до 1710 г. обитель возглавляли строители (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. С. 92). В это время Антониев Дымский монастырь был небольшой обителью. В 1690 г. он был приписан к Новгородскому архиерейскому дому (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. С. 92; *Зверинский В. В.* О православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем). СПб., 2015. Кн. I–III. С. 75). Однако его административный статус до этого неизвестен. Можно предположить, что на каком-то этапе он находился в ведении Тихвинского Успенского монастыря, а возможно — был приписным к нему. Строителем мог в некоторых случаях называться старец, возглавлявший приписной монастырь. Данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

[44] Там же.

[45] СПбИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. № 802. 1684 г. августа 31. Грамота новгородского митрополита Корнилия келарю тихвинского Успенского м-ря иером. Феодосию о допросе черного попа Лаврентия, исповедавшего умершую в тихвинском Введенском м-ре раскольницу Ирину, и о наставлении другой раскольницы, сосланной в тот же м-рь.

[46] СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 2. № 123. Л. 1–2. 1639 г., сентября 17. Указная грамота царя Михаила Федоровича игумену тихвинского Успенского монастыря Сергию о проведении ремонтных работ во Введенском монастыре.

[47] Там же. Л. 2.

[48] СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 2. № 293. Л. 1. 1644 г., между 7 и 26 декабря. Челобитная игумена Тихвинского Успенского монастыря Сергия новгородскому воеводе Г. И. Морозову и дьяку Н. В. Демидову о выдаче на строительные работы во Введенском монастыре 300 руб. к уже полученным из новгородской казны 200 руб. Черновик.

[49] Там же. Л. 2. 1644 г., декабря 26. Отписка новгородского дьяка Н. В. Демидова игумену Тихвинского Успенского монастыря Сергию и П. Баранову об отсутствии возможности прислать запрашиваемые 200 руб. по причине отсутствия денег в Новгородской казне. Подлинник рукой Н. В. Демидова.

References

NIKOLSKIY N. K. *Kirillo-Belozerskiy monastyr i ego ustroystvo do vtoroy chetverti XVII v.* T. 2. Upravleniye. Obshchinnaya i keleynaya zhizn. Bogosluzheniye. Saint Petersburg, 2006.

Opisaniye Vvedenskogo devichyego vtoroklassnogo monastyrya v g. Tikhvine. Novgorodskoy gubernii. Tikhvin, 1914.

STROYEV P. M. *Spiski iyerarkhov i nastoyateley monastyrey Rossiyskoy tserkvi.* Saint Petersburg, 1877.

SHAMINA I. N. *Monastyri Vologodskogo uyezda v XVI–XVII vv.: zemlevladeniye i organizatsiya khozyaystva*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2003.

SAZONOVA T. N. *Kirillo-Novoyezerskiy monastyr. Opyt izucheniya malykh i srednikh monastyrey Rossii XVI–XVII vv.* Moscow; Saint Petersburg, 2011.

ZVERINSKIY V. V. *O pravoslavnykh monastyryakh v Rossiyskoy imperii (s bibliograficheskim ukazatelem).* Kn. I–III. Saint Petersburg, 2015.

Список литературы

Зверинский В. В. О православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем). Кн. I–III. СПб., 2015.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006.

Описание Введенского девичьего второклассного монастыря в г. Тихвине, Новгородской губернии. Тихвин, 1914.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

Сазонова Т. Н. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011.

Шамина И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

А. Е. Жуков. Тихвинский Успенский и Введенский монастыри в XVII в. История взаимоотношений

В историографии вопрос о взаимоотношениях монастырей друг с другом рассматривался нечасто. Поэтому особый интерес представляет опыт контактов Тихвинского Успенского и Введенского девичьего монастырей. Обе обители находились в непосредственной близости друг от друга: они располагались на территории Тихвинского посада. Земельные участки, находившиеся в составе их вотчин, примыкали друг к другу. Указанные факторы способствовали формированию сложных и неоднозначных отношений между Тихвинским Успенским и Введенским монастырями. В статье будет предпринята попытка дать общую характеристику их контактов.

Ключевые слова: монастырь, повседневность, вотчина, раскол, Тихвин.

A. E. Zhukov. Tikhvin Assumption monastery and Vvedensky monastery in 17th century. Relationship history

The question about the attention between the monastery and another centers of the religion life considered in the historical literature not frequently. Therefore the experience of the contacts between Tikhvin Uspenskiy and Vvedenskiy monasteries represents the great interest. The tenements placed in one town — the Tikhvin, and their estates had the common borders. These circumstances influenced on the attitudes of the monasteries. The attempt to characterize this relationships implements in this article.

Key words: monastery, everyday life, estate, schism, Tikhvin.

Жуков, Артем Евгеньевич — к. и. н., науч. сотрудник, НИОР БАН.
Zhukov, Artem E. — PhD, researcher, Manuscript department of RASL.
E-mail: artemnovgor@inbox.ru